

*П. ДАШКЕВИЧ,
член Военно-революционного комитета*

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ

День Петроградского Совета, 22 октября 1917 года — день мирной демонстрации, собрания пролетарских сил вокруг Совета. Развязка ожесточенной классовой борьбы приближается.

В недрах большевистской партии предreshено восстание — за власть Советов.

Десятки митингов в рабочих кварталах. Пролетарская почва подготовлена предшествующей длительной, неутомимой подготовкой.

Пролетарии и пролетарки, солдаты и матросы, рабочая молодежь с энтузиазмом широкой лавиной устремляются на эти митинги.

Дни 24—25 октября. Неутомимая массовая подготовка, непосредственное собрание вооруженных пролетарских сил; распределение их по опорным пунктам в рабочих районах. Лихорадочное формирование пролетарских красногвардейских отрядов, снабжение их оружием, — артсклады в большевистских руках.

В Смольном, в Военно-революционном комитете — в штабе надвигающегося восстания — непрерывные людские потоки.

Целый ряд партийных товарищей из большевистской «военки» получают в свое боевое руководство войсковые части петроградского гарнизона, комиссары и уполномоченные Военно-революционного комитета во главе боевых

частей занимают крупнейшие правительственные учреждения города.

Но Временное правительство, при всей его дряблости, в последний момент тоже не дремлет и подтягивает к столице из окрестных гарнизонов свои надежные юнкерские силы.

К вечеру 24 октября отправляюсь с боевой задачей в Павловский гвардейский полк. Это наш большевистский полк.

Не раз из его рядов вырывались нетерпение и недоумение на медлительность развивающихся революционных событий, на большую осторожность большевиков. Приходилось сдерживать, взывать к их революционному сознанию.

Я — в Павловских казармах, вблизи Зимнего дворца, где группируется Временное правительство.

В казармах — настороже, бодрствуют... Полк охраняется своими патрулями, часовыми... Командного состава — офицерства — в комитете не видать; говорят — в предчувствии «неладного» оно панически скучилось в Офицерском Собрании.

Здесь же, среди солдатских вожakov, свои ребята. Понимают друг друга с жеста, с полуслова, с намека...

Патрули зорко следят за уличным движением, за поздними пешеходами.

Пытливый солдатский взор остро пронизывает ночную тьму вдоль по Миллионной улице, в сторону Зимнего дворца, чуткий слух старается уловить мельчайшие уличные звуки.

Чу! Шипение автомобиля...

— Стой! Кто там?

Солдатский патруль быстро берет на изготовку.

Автомобиль с одиноким пассажиром задержан.

— Я — министр... Прокопович...

Вызывают меня на улицу, выясняем: действительно Прокопович!

Что делать с ним? Сносимся со Смольным.

Передают: везти в Смольный.

Торжественно везем первый трофей.

Пленник-министр негодует.

Арест это или временное задержание на предмет выяснения? Никто еще не смог бы на это дать окончательного ответа.

В Смольном, в нижнем коридоре, в одной из комнат беспрерывно заседал ЦК нашей партии.

«Прокоповича отпустить! Еще не настал решительный момент!»

Мы еще благодумствовали.

Прокоповича выпустили, прекратили аресты уходящих из дворца...

Также патрули пропустили, вернее выпустили, и эскортируемого казачьим отрядом Керенского, лишь в стороне наблюдая его «проезд».

В такой пассивной бдительности прошла вся ночь.

Солдаты спали, не раздеваясь, с винтовками и патронами, на убогих нарах. Мы же в комитете, заспанные, просидели или провалялись на рваных и поломанных стульях весь остаток тревожной ночи...

Собираем по полку свежую утреннюю информацию. Пока всё спокойно. Город в тревоге приступает к повседневным занятиям. В районе Зимнего пока ничего особо подозрительного, разве лишь подтянулись из Ораниенбаума, Петергофа, Гатчины преданные Временному правительству юнкера.

Беспрерывно в полк поступают распоряжения из Смольного: подготовительные распоряжения.

Днем предлагается привести полк в боевую готовность. Дана задача обложить Зимний дворец в районе Зимней канавки, от Невы до Мойки.

Здесь павловцы, за ними в резерве не совсем надежные преображенцы.

Соседи наши справа — гарнизон Петропавловской крепости — готовятся к удару в лоб Зимнему дворцу; там наши большевики — офицеры Сахаров, Куделько, Тарасов-Родионов устанавливают на верхах крепости пулеметы Кольта 2-го пулеметного полка; примитивно устанавливаются орудия на еще зеленеющем мыске крепости. С ними — живая связь, непрерывная. Ждем в сумерках боевого красного фонаря на сигнальной вышке крепости.

Слева — кексгольмцы — по Мойке, выдвинувшись по Морской к Главному штабу, по Невскому, к Александровскому саду. С ними товарищи: Еремеев и Подвойский. А дальше район Александровского сада и Адмиралтейства обложили балтийские моряки.

Временное правительство в Зимнем дворце, как в мышеловке.

Знаем, что на Невском, угол Мойки, стоит противозенитная автобатарея.

У Александровского сада, на Невском, на стыке, имеется автоброневой отряд.

На Неве, к Николаевскому мосту, выдвинулась «Аврора».

Такова, как говорится, диспозиция.

Уже застава Павловского полка выдвинулась к Зимней канавке.

Быстро обхожу по казармам роту за ротой павловцев. Солдаты в полной боевой готовности томительно ждут. Во главе рот не офицерство, а низший командный состав — унтер-офицеры.

— Товарищи! За власть Советов! Идем свергать буржуазное Временное правительство!

Уже впереди тревожно выделяются из напряженности молчания отдельные выстрелы...

Что ждет нас впереди?!

Враждебные силы, думается, большого сопротивления не окажут: они ничтожны да и потрясены, запертые в своей ловушке. Уверенность в нашей победе окрыляет нас!..

Быстро оббегаю свой участок, приказываю удалить уличных зевак, тщательнее наблюдать за домами, но всё устремление вперед, к Зимнему дворцу. Неторопливо, методически подтягиваются к огромной площади.

Уже павловцы залегли цепью поперек Миллионной под прикрытием горбатого моста, через канавку. Разведка доходит и доползает, укрываясь за выступы и колонны Эрмитажа, до самой площади.

Оказывается, безумцы юнкера устроили перед главным входом во дворец на площади огромную стену — баррикаду из штабелей дров.

Но ряды защитников Временного правительства дрогнули, среди юнкеров оказались большевики, они вносят разложение.

Идет митингование, верх берут то одни, то другие... Уже посланы представители в Смольный, чтобы к ним отправили парламентаря для увода юнкеров из дворца...

Меня срочно вызывают в полковой комитет: прибыли юнкерские парламентары с провожатым из Военно-революционного комитета; мне приказано вывести юнкеров из Зимнего дворца.

Проходим в темноте сквозь наши ряды, пересекаем пустое пространство между противниками. Подходим к баррикаде из дров. Оказывается, это, так сказать, внутреннее кольцо обороны. В ожидании нашего удара из-под арки Главного штаба, под прикрытием опять-таки штабелей дров у колонны, посреди площади выдвинуты цепи ударниц.

А прямо против них, как мне известно, пользуясь темнотой, наши красногвардейцы ставят на картечь отобранную еще днем от артиллерийского училища пушку.

К тому моменту, как я подошел к баррикаде, овладели положением сторонники сопротивления.

Нас арестовали.

Провели под ворота дворца. Мимолетно взглянул внутрь дворцового сада, в коридоры. Везде масса юнкеров в беспорядочных кучах, никакого боевого построения; артиллерия без прислуги, в упряжке с одними ездовыми.

Меня доставили в караульное помещение. Пока пошли докладывать диктатору Кишкину, в помещение набилась масса юнкеров и офицеров. Среди них много хорошо знающих меня по Петергофу, Ораниенбауму. Сбежались поглазеть на пленного большевика-офицера. Сажу на табуретке в углу, во враждебном полукольце. Слышатся злорадные, иронические замечания, насмешки. Мои парламентарии настойчиво требуют от своих соотечественников, командования честного исполнения гарантированной ими моей неприкосновенности. Начальство сопротивляется... Ожидает указания сверху. Меня потребовали доставить наверх, к Временному правительству, к диктатору Кишкину.

Торопливо проводят меня по бесконечным переходам дворца, среди столпившихся юнкеров, провожаемого сочувствием немногих, враждебными взглядами и криками большинства.

В одной из зал на стуле со связанными руками сидит тов. Чудновский. Юнкерам уже не до него...

Чудновский шепчет мне: «Скоро ли?». Сочувственно киваю ему. Отойдя, снова оглядываюсь на него. Опоздай большевики с приступом, с освобождением, Чудновский может пасть жертвой разъяренных юнкеров!..

Предстали пред «ясные очи» самого Кишкина.

Тут же мечутся по огромной зале все остальные члены правительства, их чиновники, офицерство...

Вон Кузьма Гвоздев, «рабочий министр», бледный, нервничает!.. Вон тоже «рабочий министр» Матвей Скобелев, растрепанный, суетится...

Узнают меня, подходят... Спрашивают: что будет?

Пожимаю плечами.

Подводят к Кишкину. Имею ли я полномочия на переговоры с Временным правительством? Юнкера — мои спутники — перебивают его, указывая, что они вызвали меня для переговоров и увода нежелающих бороться юнкеров, что они гарантировали мне неприкосновенность.

Подтверждаю их слова, требую немедленного освобождения.

А в зале смятение усиливается.

Встревоженный, но бодрящийся Кишкин приказывает меня освободить и вывести через проход на набережную.

Впереди прапорщики, по бокам два юнкера с прикинутыми к японским винтовкам ножами сопровождают меня по слабо освещенным коридорам Зимнего к подъезду на Неву. Мы двигаемся в напряженном молчании.

Юнкера казались особо подозрительными. Перед уходом из освещенного зала что-то пошептали, в пустынных коридорах всё время старались отстать и пропустить меня вперед. Особенно один из них. Справа от меня чего-то отставал и как-то нервно дергал винтовку... Ведь так легко всадить в спину или в затылок японский нож! Предлог найдется. Да и нужен ли предлог в таком безлюдье, а другие из конвоя ведь свои.

Дворцовый лакей открыл двери. Прапорщик пропустил меня вперед, юнкера отстали; я поспешно выскользнул за двери, пригнувшись, перебежал освещенную полосу подъезда и скрылся за колоннаду в темноту.

Грозная тишина царила на Неве, одинокие ружейные выстрелы еще больше сгущали напряженность вечера... Боевой красный фонарик мерцал на крепости...

Условный час штурма дворца еще не наступил.

Несусь по набережной к Адмиралтейству, по рядам матросов к Невскому. Там найду Еремеева, Подвойского. Могу многое порассказать из виденного во дворце... Кратко передаю им настроение зимнедворцев, их смятение, их ничтожные силы... Надо разогнать перед дворцом кучку их защитников...

Отдельные выстрелы уже вспыхивают по площади. Наши уже прощупывают противника, тот тоже отвечает...

Немедленно с нашей стороны выдвигаются два броневика, проносятся вдоль по фронту дворца и подвергают его и защитников-юнкеров быстрому пулеметному обстрелу... Юнкера встретили обстрелом. Броневики возвращаются.

Грозно прогудел выстрел с «Авроры», за нею несколько орудийных выстрелов с крепости... Эти тягучие выстрелы подхватила стрелявшая в упор пушка под Главным штабом.

На площади со всех сторон полилась ружейная трескотня; огоньки ярко вспыхивали по устремляющимся ко дворцу цепям. Матросы слева, ближе всех... Деморализованные юнкера и ударницы беспорядочно и слабо отвечали...

Ура! И осаждающие ворвались во дворец.

